

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Г. Е. Марков

СКОТОВОДЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И КОЧЕВНИЧЕСТВО. ДЕФИНИЦИИ И ТЕРМИНОЛОГИЯ

В литературе неоднократно отмечалась необходимость уточнения и унификации этнографических понятий, а в отдельных случаях и введения новой терминологии. Недостаточно разработаны систематика и классификация многих явлений этнографии и истории первобытного общества. Решение этих проблем составляет насущную задачу нашей науки.

Что касается терминологии скотоводства и кочевничества, то здесь дело обстоит особенно неблагоприятно. Достаточно сказать, что отсутствуют общепринятая классификация типов и видов скотоводства и соответствующие дефиниции. Неодинаково понимаются и обозначаются одни и те же виды и формы хозяйственной и социальной жизни скотоводов. Большая часть терминов трактуется авторами различно, и одним термином обозначают разные явления.

Уже предпринимались попытки упорядочения систематики некоторых явлений, связанных со скотоводством, и терминологии, однако значительная часть проблем осталась нерешенной².

Прежде всего следует условиться, что надо понимать под скотоводством и животноводством. В специальной и справочной литературе нет единого определения этих видов хозяйственной деятельности. Так, в Большой Советской Энциклопедии указывается, что животноводство — это «отрасль сельского хозяйства, занимающаяся разведением сельскохозяйственных животных для производства животноводческих продуктов»³. Скотоводство определяется там же как «отрасль животноводства по разведению крупного рогатого скота для получения молока, говядины и кожсырья»⁴.

В исторической и этнографической литературе скотоводство не сводится обычно к разведению крупного рогатого скота как отрасли животноводства, а понимается в качестве самостоятельной формы хозяй-

¹ См., например, *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М.: Наука, 1973.

² См., например: *Рудяко С. И.* К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках.— Географическое общество СССР. Материалы по этнографии. Вып. I. Л., 1961; *Периц А. И.* Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX — первой трети XX в.— Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. 69. М.: Изд-во АН СССР, 1961; *Толыбеков С. Е.* Кочевое общество казахов в XVII — начале XX в. Алма-Ата: Казгосиздат, 1971; *Вайнштейн С. И.* Историческая этнография тувинцев. М.: Наука, 1972; *Марков Г. Е.* Некоторые проблемы возникновения и ранних этапов кочевничества в Азии.— Сов. этнография, 1973, № 1; *его же.* Кочевники Азии. М.: Изд-во МГУ, 1976; *Симаков Г. Н.* Опыт типологизации скотоводческого хозяйства у киргизов.— Сов. этнография, 1978, № 6; *Курьлев В. П.* Опыт типологии скотоводческого хозяйства казахов.— В кн.: Проблемы типологии в этнографии. М.: Наука, 1979.

³ БСЭ. Т. 9. М., 1972, с. 190.

⁴ БСЭ. Т. 23. М., 1976, с. 523.

ственной деятельности, лежащей в основе определенных хозяйственно-культурных типов⁵.

Следуя за этой традицией, необходимо установить соотношение животноводства и скотоводства с хозяйственно-культурной классификацией.

Представляется, что термин «животноводство» охватывает все формы содержания животных, включая разведение крупного и мелкого рогатого скота и транспортных животных (скотоводство), оленеводство и звероводство. Вследствие этого на основе животноводческого хозяйства существуют многие хозяйственно-культурные типы.

Сложнее обстоит дело с дефиницией понятия «скотоводство» из-за многообразия форм скотоводческого хозяйства. Многие из них исследованы недостаточно, и их изучение продолжается. К тому же отдельные типы скотоводства сильно отличаются друг от друга, и в зависимости от этого наблюдаются принципиальные различия в социальных структурах.

По-видимому, скотоводством следует называть вид хозяйственной деятельности, основанной главным образом на более и менее экстенсивном разведении животных и либо целиком определяющей характер хозяйственно-культурного типа, либо составляющей один из важнейших его признаков.

В целом скотоводство можно рассматривать как форму хозяйства. Но соответственно с тем, является скотоводство основой или только одним из важнейших признаков хозяйственно-культурного типа, а также в зависимости от способа ведения хозяйства и социальной структуры того или иного общества скотоводов, его можно подразделить на два типа, имеющие между собой принципиальные различия. Один из них — «кочевое скотоводство», или «кочевничество»⁶, другой, при котором скотоводческое хозяйство составляет лишь одну из более или менее важных отраслей хозяйства, можно назвать предложенным уже ранее термином «подвижное скотоводство»⁷.

Кочевое скотоводство. Сразу следует подчеркнуть, что это понятие предполагает не только хозяйственную, но и социальную характеристику общества⁸.

Хозяйственную основу кочевого скотоводства (кочевничества) образует экстенсивное пастбищное скотоводство, при котором разведение животных представляет главный вид занятий населения и доставляет основную часть средств существования.

В литературе обычно указывается, что в зависимости от природных условий, политической ситуации и ряда других обстоятельств кочевое скотоводство может бытовать в двух видах: собственно кочевом и полукочевом. Но никаких принципиальных различий между этими видами хозяйства не существует, и на их основе складываются одинаковые социально-экономические отношения, социальные и племенные структуры. Отсутствуют универсальные признаки, по которым можно различать собственно кочевое («чистые» кочевники) и полукочевое хозяйство во всех областях распространения кочевничества. Различия между ними относительны и выявляются только в каждом отдельном, территориаль-

⁵ Так трактуют проблему авторы, перечисленные в сноске 2. В том же смысле употребляли термин «скотоводство» К. Маркс и Ф. Энгельс (см. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 8, с. 568; т. 21, с. 161 и др.).

⁶ См. *Марков Г. Е.* Кочевники Азии.

⁷ Там же, с. 281.

⁸ См. *Марков Г. Е.* Кочевничество.— Советская Историческая Энциклопедия. Т. 7. М., 1965; *его же.* Кочевничество.— БСЭ, т. 13, М., 1973; *его же.* Кочевники Азии.

В настоящей статье не рассматриваются весьма специфические проблемы оленеводства. К тому же большая часть оленеводов не может быть отнесена к числу кочевников, так как основные средства существования они добывают посредством охоты и некоторых других видов занятий, тогда как олень служит им главным образом транспортным средством.

но ограниченном регионе. Таким образом, «полукочевое хозяйство» представляет лишь один из подтипов кочевничества.

В самом общем виде можно сказать, что при собственно кочевом скотоводстве пастбищное хозяйство ведется в подвижной форме, и амплитуда кочевания значительна для данных условий. Прimitивное мотыжное земледелие при этом или вовсе отсутствует, что встречается, впрочем, в исключительных случаях, или играет сравнительно небольшую роль в общем хозяйственном комплексе. Однако разведение животных никогда не составляло единственного занятия кочевников, и в зависимости от исторических условий, природной среды и политической обстановки средства существования доставляли также охота, военный промысел, сопровождение караванов, торговля.

В качестве примера «чистых» кочевников, не занимавшихся в прошлом земледелием, можно назвать бедуинов-верблюдоводов Центральной Аравии, некоторые группы казахов. Подавляющая же часть кочевников занималась в тех или иных размерах примитивным мотыжным земледелием.

Полукочевой подтип кочевнического хозяйства также основывается на экстенсивном пастбищном скотоводстве и, как уже говорилось, в принципе мало отличается от кочевого. Несколько меньше его подвижность. Большее место в хозяйстве занимают разного рода вспомогательные виды деятельности, прежде всего земледелие.

Амплитуда кочевания не может рассматриваться как решающий признак при отнесении той или иной разновидности скотоводческого хозяйства к кочевому или полукочевому подтипу. Дальность перекочевков — явление относительное, оно не представляет собой универсального критерия и специфично для определенных природных условий, политической ситуации.

В такой же мере в разных областях и в разные эпохи различалось распространение земледелия у кочевников и полукочевников. Некоторую разницу удастся обнаружить между кочевниками и полукочевниками в видах и породах их скота. У кочевников обычно больше транспортных животных, чем у полукочевников. На юге в пустынях особое значение для кочевников имеет верблюдоводство, на севере — коневодство, как следствие тебеневочной (зимней, подснежной) системы выпаса скота. В новое время коневодство приобретает товарное значение.

У полукочевников и кочевников степей распространено разведение главным образом мелкого рогатого скота, а также транспортных животных.

Высказывались мнения, что существенным признаком при определении вида кочевнического хозяйства у степных номадов является наличие или отсутствие зимников с долговременными постройками⁹. Однако здесь имеется столько локальных вариантов, что этот признак не может считаться универсальным критерием.

Определенные различия существуют в экономике (степень товарности, доходности и т. п.) кочевого и полукочевого хозяйства, но этот вопрос исследован недостаточно¹⁰.

Наконец, встречаются утверждения, будто полукочевое хозяйство — лишь переходный этап от кочевания к оседлости. В столь генерализованном виде эта точка зрения противоречит фактам. Полукочевое хозяйство существовало в определенных условиях наряду с кочевым в течение всей истории кочевничества, т. е. около 3 тыс. лет. Известно немало примеров, когда кочевники, минуя стадию полукочевничества, непосредственно переходили к оседлости, как, например, часть казахов и

⁹ См. *Вайнштейн С. И.* Указ. раб.

¹⁰ Так, одна из немногих работ, специально посвященных этой проблеме, была опубликована в 1930 г. (*Погорельский П., Батраков В.* Экономика кочевого аула Киргизстана. М., 1930).

бедуинов в первые два десятилетия нашего века. И только в отдельных областях по мере интенсивного разложения кочевничества с конца XIX в. наблюдался как частное явление переход кочевников сначала к полукочевому, а затем к полуседлому и седлому образу жизни.

Из сказанного видно, что кочевой и полукочевой подтипы скотоводческого кочевнического хозяйства составляют основу одного хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов.

Необходимо подчеркнуть, что многие признаки кочевого и особенно полукочевого хозяйства характерны не только для кочевничества, но и для других типов скотоводства. Из этого следует, что выделить кочевое скотоводство как самостоятельный хозяйственно-культурный тип, а также, по выражению К. Маркса, способ производства¹¹ только по облику хозяйственной деятельности довольно трудно. Кочевничество — значительное историческое явление, сущность которого заключается не просто в способе ведения хозяйства, а прежде всего в наличии специфического комплекса социально-экономических отношений, племенной общественной организации, политической структуры.

Как уже отмечалось, главным способом добывания жизненных благ в условиях кочевничества является экстенсивное пастбищное скотоводство с сезонными перекочевками. Образ жизни кочевников характеризовался чередованием войн и периодов относительного затишья. Кочевничество сложилось в ходе очередного крупного разделения труда. На экстенсивной хозяйственной базе возникли своеобразные социальная структура, общественная организация, институты власти.

В связи с важностью проблемы необходимо пояснить, что понимается здесь под «экстенсивностью» хозяйства и своеобразием социальной организации.

Экстенсивностью характеризуется экономика обществ, добывающих средства существования посредством присваивающего или примитивного производящего хозяйства. Так, хозяйство охотников, рыболовов и собирателей развивается только вширь, количественно. Качественные изменения следуют лишь вследствие смены хозяйственного базиса — при переходе к земледелию и иным отраслям интенсивной экономики. Соответственно обстоит дело и с социальными отношениями. Происходящие в них количественные изменения не приводят в обществах с присваивающей экономикой к сложению развитых классовых отношений и государства.

В отличие от охоты, рыболовства, собирательства, кочевое скотоводство представляет собой ветвь производящего хозяйства. Однако в силу специфики хозяйственной деятельности оно также экстенсивно. По естественным причинам поголовье скота может увеличиваться только в ограниченных размерах, а вследствие разного рода катастроф часто сокращается. Не происходит существенного улучшения видового и породного состава стад — это невозможно в суровых условиях кочевого хозяйства. Крайне медленно развиваются технология производства и совершенствование орудий труда¹². Экстенсивно отношение кочевника к земле. «Присваивается и производится здесь на самом деле только стадо, а не земля, которую, однако, на каждом месте стоянки временно используют *сообща*»¹³.

¹¹ Так, К. Маркс пишет о кочевниках: «То были племена, занимавшиеся скотоводством, охотой и войной, и их способ производства требовал обширного пространства для каждого отдельного члена племени...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8, с. 568). В другой работе Маркс указывал, что «монголы при опустошении России действовали сообразно с их способом производства...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12, с. 724). О «примитивном способе производства» у «варварского народа» говорится в «Немецкой идеологии» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3, с. 21).

¹² Ср. Толыбеков С. Е. Указ. раб., с. 50 и сл.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. 1, с. 480.

По мере сложения кочевого скотоводства как самостоятельного хозяйственно-культурного типа появились новые формы хозяйства и материальной культуры. Были выведены новые породы скота, приспособленные к трудным условиям кочевой жизни, освоены обширные пространства пастбищ. Усовершенствованы или изобретены новые виды вооружения и одежды, транспортных средств (конское снаряжение для верховой езды, повозки — «дома на колесах») и многое другое, в том числе разборные кочевые жилища. Эти нововведения были немалыми достижениями. Однако возникновение кочевого скотоводства не означало существенного прогресса в экономике в сравнении с уровнем комплексного хозяйства предшествовавших кочевникам племен горно-степной бронзы. Дело обстояло скорее наоборот. Со временем кочевниками были утеряны металлургия, гончарство и многие домашние производства. Сократился объем земледелия. Следствиями этих явлений стали ограничение разделения труда, усиление экстенсивности экономики, ее застойность¹⁴.

Выше отмечалось, что определение кочевого скотоводства как специфического социально-экономического явления основывается не только на характере хозяйственной деятельности, а в еще большей степени на особенностях социальной структуры и племенной общественной организации.

Первобытные отношения разложились у кочевников уже в ходе их выделения из среды прочих варваров, и сформировались общества, дифференцированные в имущественном и социальном отношениях. Развитые же классовые отношения у кочевников не могли сложиться, так как их возникновение было неизбежно связано с переходом к интенсивным занятиям, оседлости, т. е. с распадом кочевого общества.

Экстенсивность экономики вела к застойности социальных отношений. Вместе с тем на всех этапах истории кочевники находились в многообразных, более или менее тесных контактах с оседлыми народами, что сказывалось на формах социальной и политической структуры.

При всем многообразии взаимоотношений кочевников и оседлых земледельцев их можно свести к четырем главным видам: а) интенсивные разносторонние взаимоотношения с оседлыми соседями; б) относительная изоляция кочевников, в условиях которой их связи с оседлыми земледельцами имели спорадический характер; в) подчинение кочевниками земледельческих народов; г) подчинение кочевников земледельческими народами.

Во всех четырех видах взаимоотношений социальная организация кочевников оказывалась довольно устойчивой, если скотоводы попадали в сферу влияния или взаимосвязь с обществом не достигшим капиталистического уровня развития.

Иначе обстояло дело, когда на кочевников оказывали воздействие общества с развитыми капиталистическими отношениями. Тогда значительно усиливалось имущественное и социальное расслоение, что приводило к складыванию развитых классовых отношений и разложению кочевничества.

¹⁴ По возможностям социально-экономического развития кочевое скотоводство принципиально отличается даже от наиболее экстенсивных видов земледелия. Последнее, развиваясь количественно, переходит затем в новое качественное состояние, становится основой интенсивной экономики и сложения нового способа производства. Примеры тому — развитие обществ древних земледельцев, создавших первые в мире цивилизации; развитие многих тропических народов от уровня первобытного земледелия до классовых обществ. Что касается кочевничества, то нет данных о переходе скотоводческого хозяйства из одного качественного состояния в другое, превращения его в интенсивную отрасль занятий, и о соответствующих социальных процессах. В связи с этим переход в новое качественное состояние мог произойти только после разложения кочевничества. Эту точку зрения высказывали и многие другие авторы. См., например, *Вайнштейн С. И.* Указ. раб.; *Толыбеков С. Е.* Указ. раб. О хозяйстве племен горно-степной бронзы см. *Марков Г. Е.* Кочевники Азии, с. 12 и сл.

В зависимости от политических и военных условий общественные отношения кочевников могли быть военно-демократическими или патриархальными, но в любом случае они включали одновременно элементы рабовладельческого, феодального, капиталистического и других укладов, т. е. были многоукладными. Многоукладность вызывалась как экстенсивностью хозяйственной и социальной структуры, так и влиянием соседних земледельческих государств¹⁵. К. Маркс писал: «Возьмите определенную ступень развития производства, обмена и потребления, и вы получите определенный общественный строй, определенную организацию семьи, сословий или классов — словом, определенное гражданское общество»¹⁶.

В связи с рассмотренными дефинициями необходимо остановиться на некоторых аспектах социальной терминологии.

Контакты кочевников с обитателями оазисов вели к значительным культурным взаимовлияниям. Представители господствующих слоев кочевых обществ стремились обладать изделиями городских ремесленников, особенно предметами роскоши; принимали пышные титулы правителей земледельческих государств: хан, хаган и пр. Эта социальная терминология получала широкое распространение, так как рядовые кочевники считали, что при сношениях с оседлыми соседями она повышает престиж народа в целом¹⁷.

Однако как предводители кочевников, так и рядовые скотоводы понимали содержание этой социальной терминологии совершенно иначе, чем оседлые земледельцы, а именно в привычном для себя военно-демократическом или патриархальном смысле. Это обстоятельство заставляет очень осторожно относиться к интерпретациям общественного строя кочевников на основе их социальной терминологии, заимствованной ими у земледельческих народов. То же надо сказать и о сообщениях древних и средневековых источников о «царях», «королях», «князьях» и пр. у кочевников. Эти источники подходили к оценкам кочевых скотоводов и их общественных порядков со своими мерками, с позиций привычных и понятных им социальных отношений в земледельческих государствах..

Характерный пример условности кочевнической терминологии — титулы казахских ханов и султанов, которых авторитетный источник называл «мнимыми начальниками», что подтверждали и многие другие авторы¹⁸. Широко распространена в литературе произвольная интерпретация монгольского термина «нойон» как «князь». Экстраполяция отношений западноевропейского феодализма на кочевников получила большое распространение после появления известной работы Б. Я. Владимирцова, многие выводы которого основаны на произвольном переводе и толковании монгольских терминов¹⁹.

Господствующий слой кочевников состоял в принципе из четырех социальных групп: военных предводителей разного рода, старейшин, духовенства, богатейших владельцев стад.

О существовании общественной племенной организации кочевых обществ уже приходилось писать²⁰. Но проблема терминологии остается еще мало разработанной.

¹⁵ См. Марков Г. Е. Кочевники Азии, с. 307, 308.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 27, с. 402.

¹⁷ Наглядный пример тому — взаимоотношения рядовых бедуинов и их вождей (см. Марков Г. Е. Кочевники Азии, с. 262).

¹⁸ См. Рышков Н. П. Дневные записки путешественника капитана Н. Рычкова в киргиз-кайсацкие степи в 1771 г. СПб., 1772, с. 20. О сообщениях других авторов см. Марков Г. Е. Кочевники Азии, гл. II—V.

¹⁹ Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. М.—Л., 1934. Критику взглядов Б. Я. Владимирцова см.: Толыбеков С. Е. Указ. раб.; Марков Г. Е. Кочевники Азии, и др. О недопустимости такого рода экстраполяции писал в свое время Маркс (Маркс К. Конспект книги Льюиса Моргана «Древнее общество». — Архив Маркса и Энгельса, т. IX, с. 49).

²⁰ См. Марков Г. Е. Кочевники Азии, с. 309 и сл., и др.

Рассматриваемый вопрос распадается на две самостоятельные проблемы: 1) принципы племенной организации и возможность введения единой терминологии для всех ее ступеней; 2) собственно терминология.

Что касается первой проблемы, то создать единую терминологию для кочевой организации в целом, очевидно, невозможно, так как ее структура различна у всех кочевых народов, хотя существование ее и одинаково.

Между формой и содержанием этой структуры есть противоречие. Формально в ее основе лежит генеалогический патриархальный принцип, согласно которому каждая кочевая группа и объединение рассматриваются как следствие разрастания первичной семьи. Но в действительности развитие кочевой общественной организации происходило исторически, и за исключением самых мелких кочевых групп кровное родство отсутствовало.

Генеалогическое «родство» и вымышленное представление о «единстве происхождения» выступали как идеологические формы осознания реально существовавших военно-политических, хозяйственных, этнических и других связей.

Следствием отмеченного противоречия было то, что устные и письменные генеалогии племенной структуры не совпадали с реальной номенклатурой общественной организации.

Что касается второй проблемы—терминов, то немалая их часть неудачна. Они либо связаны с характеристикой обществ, стоящих на уровне первобытнообщинного развития, либо неопределенны. Зачастую одним термином обозначают самые различные элементы общественной организации или, наоборот, к сходным ячейкам общественной структуры применяются разные термины.

Наиболее неудачными терминами, употребляемыми в связи с общественной организацией кочевников, являются «род», «родо-племенная организация», «родо-племенной строй», «родо-племенные отношения». Нередко эти термины как бы фетишизируются, и в обозначаемых ими явлениях пытаются найти (и порой «находят») пережитки первобытнообщинного строя.

«Первобытно» звучание и термина «племя». Но племена существовали как в первобытности, так и в пору сложения классовых обществ (например, племена германцев в «дофеодальный период»). Кроме того, этот термин получил в литературе самое широкое распространение и не имеет эквивалента. А так как вводить новые термины без крайней нужды нецелесообразно, то с соответствующими оговорками подразделения общественной организации кочевников можно обозначать термином «племя» и в дальнейшем.

Обычно неудачны попытки введения в качестве терминов русских переводов местных названий, например «кость» (алтайское «сеок» и др.), понятных на языке народа, но бессмысленных в переводе.

Во многих случаях целесообразно употребление без перевода терминов, используемых самими кочевниками, что лучше передает специфику их содержания (например, туркменское «тире», представляется более удачным, чем такое универсальное, но близкое понятие, как «племенное подразделение»).

Принципы и структура общественной организации кочевников уже рассматривались в литературе²¹. Поэтому следует только еще раз подчеркнуть, что эта структура видоизменялась в зависимости от «военно-кочевого» или «общинно-кочевого» состояния, в котором находилось кочевое общество. Соответственно менялось количество ступеней в общественной структуре, их соподчиненность. В определенных случаях па-

²¹ См. *Неусыхин А. И.* Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному.— *Вопросы истории*, 1967, № 1.

²² См. *Марков Г. Е.* Кочевники Азии, с. 310 и сл.

раллельно и в тесной связи с племенной возникала военная организация, основанная на десятичном принципе. Пример тому — десятки, сотни, тысячи и т. д. монгольского войска. Но существовала эта военная структура на племенной основе, а последняя состояла из кочевых общин, больших и малых семей. К. Маркс писал по этому поводу: «У кочевых пастушеских племен община фактически всегда собрана воедино; это — общество совместно путешествующих людей, караван, орда, и формы субординации развиваются здесь из условий этого образа жизни»²³.

Высшую форму общественной организации кочевников составляет «народ» (ср. тюрское «халк»), как более или менее сложившаяся этническая общность, народность.

Так называемые «кочевые империи» являлись временными и эфемерными военными объединениями, не имели собственной социально-экономической базы и существовали лишь до тех пор, пока продолжалась военная экспансия кочевников.

«Кочевой народ» далеко не всегда представлял собой единый этносоциальный организм, и отдельные его части бывали чаще всего разобщены территориально, экономически и политически.

«Кочевой народ» составляют племена, обладающие обычно этническим самоназванием, спецификой этнического состава, культурных черт, диалектальными особенностями. Только в отдельных случаях племена выступают как единое целое, что зависело главным образом от политической ситуации.

Племена включают, в свою очередь, крупные и мелкие племенные подразделения, составляющие племенную иерархическую структуру. Эта структура различна у разных «народов», племен, а часто и у соседних племенных подразделений.

Рассмотренная модель племенной структуры лишь приблизительно и не исчерпывает всего разнообразия общественной организации у разных народов и племен. Она более или менее соответствует структуре племенной организации монголов, туркмен, арабов и некоторых других кочевых народов. Но уже система казахских жузов в эту схему не укладывается, так как представляет собой пережиточную политическую структуру.

При анализе общественной структуры кочевников следует строго различать ее элементы, связанные с генеалогически-племенной, хозяйственной, военной, политической и прочими организациями. Только такой подход позволяет выявить существо общественных связей и характер общественной организации.

Подвижное скотоводство. Значительно сложнее обстоит дело с дефиницией понятия «подвижное скотоводство», с выявлением и классификацией его видов, разработкой соответствующей терминологии. Число разновидностей подвижного скотоводства довольно велико, и между ними существуют в хозяйственном и социальных отношениях значительные различия. Это усложняет проблему и при ее нынешней изученности позволяет высказать лишь предварительные соображения и только по отдельным ее аспектам²⁴.

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 46, ч. I, с. 480.

²⁴ По рассматриваемой проблеме существует обширная отечественная и зарубежная литература. Перечислять все работы нет ни возможности, ни необходимости. Поэтому отметим только те, в которых особое внимание уделяется теоретическим вопросам. См.: Мкртумян Ю. И. Формы скотоводства и быт населения в армянской деревне (вторая половина XIX — начало XX в.)—Сов. этнография, 1968, № 4; *его же*. К изучению форм скотоводства у народов Закавказья.— В кн.: Хозяйство и материальная культура Кавказа в XIX—XX вв. М.: Наука, 1971; *его же*. Формы скотоводства в Восточной Армении (вторая половина XIX — начало XX в.)—Армянская этнография и фольклор. Материалы и исследования. Вып. 6. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1974; Шамиладзе В. М. Хозяйственно культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1979, и мн. др. его публикации. Отдельные проблемы рассматриваются в работах: Исмаил-Заде Д. И. Из истории кочевого хо-

Рассматриваемая проблема далеко еще не решена, не выяснены отдельные детали, необидительны обобщения. И прежде всего стоит вопрос: правомерно ли все виды скотоводческого хозяйства, не относящиеся ни к кочевому скотоводству, ни к, стойловому животноводству, свести в один тип? При существующей изученности материала сегодня, очевидно, его нельзя решить. Поэтому, принимая все эти формы скотоводческого хозяйства чисто условно за один тип, мы не исключаем возможности дальнейшего совершенствования типологии. Соответственно с решением этого вопроса виды подвижного скотоводства должны включаться в один или несколько хозяйственно-культурных типов.

Говоря о подвижном скотоводстве, следует прежде всего отметить разнообразие природных условий, исторических традиций, социальных и политических систем, в которых существуют разные его виды. Пример тому — Кавказ, Карпаты, Альпы и другие области распространения подвижного скотоводства. К тому же и в пределах одного региона в разных местностях известны разнообразные виды этого типа хозяйства. Особенно показателен пример Кавказа, где бытуют разные виды скотоводства в Грузии, Армении, Азербайджане, на Северном Кавказе.

При этом особенно сильные различия между разными видами подвижного скотоводства наблюдаются не только в чисто хозяйственной сфере, в формах ведения хозяйства, но и в социальных условиях и общественной организации. Достаточно сопоставить патриархальные и патриархально-феодальные отношения у многих скотоводов Кавказа в прошлом и развитые капиталистические отношения у альпийских скотоводов Швейцарии. Кстати, это обстоятельство наводит на мысль о необходимости выделения разных типов подвижного скотоводства.

Следует подчеркнуть наличие принципиальных различий в закономерностях возникновения и развития социальной и общественно-племенной организации у кочевых и подвижных скотоводов. У кочевников общественные отношения, как и племенная общественная организация, складываются на основе их экстенсивного социально-экономического базиса. У подвижных скотоводов общественные отношения определяются социальным строем их соседей-земледельцев, хотя и отличаются некоторой патриархальностью. Соответствующие формы имеет и общественная организация. Племенная структура отсутствует у подвижных скотоводов. Таким образом, в политическом и социальном отношении подвижные скотоводы не представляют собой самостоятельных и независимых от земледельцев этносоциальных организмов, этнических общностей, общественных и политических образований.

Как отмечалось выше, сегодня еще нельзя дать всеобъемлющую дефиницию понятию «подвижное скотоводство», тем более что, по-видимому, это вообще не один тип, а несколько типов. Поэтому, не претендуя на универсальность и законченность определения, можно только предварительно сформулировать существо рассматриваемого типа (или типов).

Представляется, что понятие «подвижное скотоводство» охватывает совокупность весьма разнообразных видов экстенсивного и интенсивно-

зяйства Азербайджана первой половины XIX в.— Исторические записки АН СССР, 1960, т. 66; *ее же*. Кочевое хозяйство в системе колониального управления и аграрной политики царизма в Азербайджане в XIX в.— Сб. Исторического музея. Вып. V. Баку, 1962; *Бжания Ц.Н.* Из истории хозяйства абхазов. Сухуми: Машара, 1962; *Галоева З. Д.* Скотоводство в прошлом у осетин.— Материалы по этнографии Грузии. Т. XII—XIII. Тбилиси, Изд-во АН ГрузССР, 1963; *Зафесов А. Х.* Животноводческое хозяйство в Адыгее.— Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. истор. наук. Майкоп: Ин-т истории, археологии и этнографии АН ГрузССР, 1967; *Гамкредидзе Б. В.* Система скотоводства в горной полосе Северной Осетии.— Вестник ГССР, 1975, № 3. Из зарубежных работ можно назвать: *Boesch H.* Nomadism, Transhumans und Alpwirtschaft— Die Alpen, 1951, v. XXVII; *Xavier de Planhol.* Vie pastorale Caucasienne et vie pastorale Anatolienne.— Revue de géographie Alpine, 1956, v. XLIV, № 2; *Viehwirtschaft und Hirtenkultur.* Ethnographische Studien. Budapest, 1969.

го скотоводческого хозяйства, которое доставляет основные средства существования и ведется с помощью перегона или отгона скота на пастбища (от круглогодичного содержания на пастбищах до разных форм отгонного полуседлого хозяйства). В зависимости от вида подвижного скотоводства разводится мелкий и крупный рогатый скот, транспортные животные.

Различие между подвижным скотоводством и оседлым животноводством земледельцев состоит в том, что если для скотоводов разведение скота является главным, хотя и не единственным занятием, то для земледельцев животноводство представляет собой вспомогательную отрасль земледельческого сельского хозяйства. Животноводы, как уже упоминалось, разводят также свиней и птицу.

Из сказанного можно сделать вывод, что в условном понятии «подвижное скотоводство» существенны не только характеристика его конкретного содержания, но и его различия с кочевым скотоводством и животноводством земледельцев. Установление полной типологии подвижного скотоводства дело, очевидно, будущего.

В связи с терминологией необходимо отметить,— и к этому вопросу еще придется ниже вернуться,— что для избежания путаницы, когда одним термином называют принципиально разные явления, не следует применять к видам подвижного скотоводства термины «кочевничество», «кочевое скотоводство», «перекочевки» и т. п. О глубоких социальных различиях между кочевым и подвижным скотоводством говорилось уже достаточно, и, думается, подобное терминологическое разграничение совершенно необходимо. При этом вместо термина «кочевание» можно пользоваться понятиями «отгон», «перегон» и т. п. Очевидно, здесь должен быть довольно широкий набор терминов, так как характер сезонных перемещений стад очень различен и колеблется в широких пределах— от перегона скота на дальние расстояния, что по форме напоминает кочевничество, до отгонных и стационарных форм.

Удачные попытки классификации и определения видов типа хозяйства, называемого здесь «подвижным скотоводством», были предприняты советскими авторами, и в частности Ю. И. Мкртумяном и В. М. Шамиладзе. Однако по некоторым теоретическим положениям эти авторы не согласны между собой, что свидетельствует о дискуссионности проблемы²⁵.

Основываясь на литературе и своих исследованиях, В. М. Шамиладзе выделяет несколько видов скотоводства: «альпийское» («горное»), «трансюманс» («трансгуманс»), «кочевое» и «равнинное».

Альпийское хозяйство определяется им как «хозяйственно-географическая общность расположенных на определенной высоте летних пастбищ и основных земледельческих поселений с зимним стойловым кормлением скота; движение стад и обслуживающего персонала от поселения к пастбищам и обратно; зональный характер альпийского скотоводства, его сезонность и хозяйственно-организационная зависимость от основных поселений»²⁶. При альпийском скотоводстве в горы поднимается только часть населения, остальные занимаются земледелием, заготавливают корм скоту на зиму и т. п.

Трансюманс (трансгуманс) тот же автор рассматривает как переходную ступень от альпийского к кочевому скотоводству. Согласно его точке зрения, трансюманс представляет собой «постоянное движение стада и обслуживающего его персонала от зимних к весенне-осенним и летним пастбищам и обратно, во время которого у основных земледельческих поселений, территориально исключенных из годового цикла ухо-

²⁵ См., например, Шамиладзе В. М. Указ. раб., с. 53 и сл.

²⁶ Там же, с. 43.

да за скотом, сохраняются хозяйственно-экономические и организационные функции ведения скотоводства»²⁷.

Оба определения не вызывают возражений, за исключением того, что в них отсутствует характеристика социальных функций и отношений, складывающихся при данной форме хозяйства.

Относительно термина «кочевничество» применительно к рассматриваемому типу хозяйства уже говорилось. Но представляется неудовлетворительным и само определение кочевничества, даваемое В. М. Шамиладзе. Он пишет, что номадизм (кочевничество) — это «кочевой образ жизни населения и ведение им соответствующей формы хозяйства, которое исключало ведение других отраслей хозяйства в условиях оседлости»²⁸.

Очевидно, данное определение более или менее подходит к тому виду горного скотоводства, которое называется им и рядом других авторов «кочевым». Но, во-первых, оно не дает достаточно ясного разграничения с тем, что понимается под «трансюмансом», да и признаки, которые кладутся в основу характеристик этих двух видов хозяйства, типологически различны. Во-вторых, нет главного: характеристики социальных отношений и социальной структуры групп населения, определяемых как «кочевники». Наконец, не учитываются те принципиальные различия, которые существуют между действительными кочевыми скотоводами в социально-экономических отношениях, общественной и политической структуре и теми группами горных скотоводов, которые называются «кочевниками».

Из работ исследователей кавказского горного скотоводства следует, что группы скотоводов, называемые «кочевниками», не представляют собой самостоятельных этносоциальных организмов, этнических общностей, не образуют самостоятельных общественных и политических структур, а органически входят в общества земледельцев, хотя хозяйственно, вследствие условий разделения труда, несколько от них обособлены.

Для полноты картины следует отметить, что в истории известны случаи когда кочевники и земледельцы имели единую общественную организацию и единую политическую и административную структуру. Пример такого рода — туркмены кочевники и земледельцы в Южном Туркменистане от начала XIX в. и до времени присоединения Закаспийских областей к России. Однако это явление особого рода, и существо заключалось не в том, что кочевники оказались интегрированными оседлыми земледельцами, а в том, что последние еще продолжали сохранять традиционную племенную структуру общественной организации и осуществляли соответственно ей свое землепользование. К тому же кочевничество в этих условиях интенсивно разлагалось и превращалось в отрасль оазисного комплексного земледельческо-животноводческого хозяйства²⁹. Аналогичная ситуация сложилась в XIX и XX вв. у курдов в Иране, Турции и Ираке, у некоторых групп бедуинов и у многих других кочевых народов. Такого рода явление было свойственно эпохе быстрого разложения кочевничества и оседания скотоводов на землю, особенно эпохе капитализма. Ничего подобного в большей части скотоводческих областей Кавказа не наблюдалось, и единственными кочевыми скотоводами в этом регионе были караногайцы.

В отличие от кочевого скотоводства, обладавшего рассмотренными выше социально-экономическими, племенными и этническими особенностями, подвижное скотоводство, как ветвь комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства, не только не разлагалось под воздействием капиталистических отношений, а, наоборот, развивалось, становилось более интенсивным и товарным. Вследствие этого различны судь-

²⁷ Там же, с. 46.

²⁸ Там же, с. 47.

²⁹ См. König W. Die Achal-Teke. Berlin, 1962.

бы кочевого и подвижного скотоводства в условиях социализма³⁰. Первое полностью разложилось и исчезло еще в ходе коллективизации, превратившись в перегонное и отгонное хозяйство. Второе получило развитие в рамках современного специализированного механизированного оседлого скотоводческого хозяйства.

Если оставить в стороне термин «кочевничество», то можно считать, что В. М. Шамиладзе дал весьма убедительную классификацию подвижного грузинского скотоводства, которую можно с известными дополнениями распространить и на другие области бытования подвижного скотоводства.

Согласно этой классификации рассматриваемый тип скотоводства представлен несколькими видами и подвидами. Это вид «горного» скотоводства с подвидами: «отгонный» и «внутриальпийский»; вид «транс-юманс» («трансгуманс») с подвидами «восходящий», «промежуточный» и «нисходящий»; вид «кочевой» («перегонный») с подвидами «вертикально-зональный» и «полукочевой» («отгонный») и, наконец, вид «равнинного» скотоводства с подвидами «экстенсивное шалашное хозяйство» и «подсобное скотоводство»³¹. Надо полагать, что в данной классификации не хватает только одного широко известного из литературы вида подвижного скотоводства — «полуседлого скотоводства».

^ .

Проблемы дефиниций и терминологии не исчерпываются рассмотренными вопросами. Более детально надо исследовать социальную терминологию, термины и определения, касающиеся различных скотоводческих занятий. Необходимо усовершенствовать классификацию способов и приемов кочевания. Все эти серьезные и важные проблемы нуждаются в специальном обсуждении.

ANIMAL HUSBANDRY AND NOMADISM. DEFINITIONS AND TERMINOLOGY

The study of peoples engaged in animal husbandry has made considerable progress in recent years. However, there are still no universally recognized definitions of the various types and forms of animal husbandry, no general classification; terms are applied loosely.

In the view of the author, pastoralism (*skotovodstvo*) and animal tending (*zhivotnovodstvo*) represent two types of animal husbandry (*skotovodcheskoye khoziaystvo*). The former is a more or less independent field of economy, while the latter is the cattle-breeding branch of an agricultural economy based on plant cultivation.

Pastoralism comprises various forms, primarily nomadic (including its semi-nomadic sub-group) and mobile pastoralism (also comprising a number of sub-groups). Nomads subsist mainly by extensive pastoral cattle grazing; they form independent ethnosocial organisms (ESO) possessing tribal organization, each having its own specific social-economic relations.

Mobile pastoral groups in their economic activity often resemble the nomads but form a part of the ESO of plant cultivating agriculturalists and do not possess a tribal organization.

Crop cultivators practise animal husbandry in the form of transhumance and in the form of stall maintenance of animals.

Owing to the plurality of subgroups of mobile pastoralism and animal tending their classification and terminology require further elaboration.

³⁰ См. Марков Г. Е. Оседание кочевников и формирование у них территориальных общностей.— В кн.: Расы и народы. Вып. 4. М.: Наука, 1974.

³¹ Шамиладзе В. М. Указ. раб., с. 60, 61.